

УДК 343.5
DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_3

Бандурина Дарья Александровна

bandurina2002@gmail.com
Студентка Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В. Ф. Яковлева

Янковский Виталий Алексеевич

vitaliy.yankovskiy@inbox.ru
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Васильев Александр Максимович

Ассистент кафедры уголовного права Уральского
государственного юридического университета

**Декриминализация
в российском
законодательстве: подходы к
пониманию и проблематика**

Бандурина Д. А., Янковский В. А. /Декриминализация
в российском законодательстве: подходы к
пониманию и проблематика // Уральский журнал
правовых исследований. 2022. № 2. С. 3–9. DOI
10.34076/2658_512X_2022_2_3

Аннотация:

Поводом для дискуссий на тему феномена декриминализации стала отмена законодателем в 2017 году уголовной ответственности за домашнее насилие, что подтверждает остро социальную природу данного явления и актуальность выбранной нами темы. В данной статье рассматриваются тенденции гуманизации отечественного уголовного права, которые проявляются в форме декриминализации конкретных деяний. Раскрыты основные подходы к пониманию криминализации и декриминализации в форме парадигм криминализации, каждая из которых содержит собственную точку зрения, как на основания криминализации, так и на ее понимание как таковое. С помощью анализа трудов отечественных правоведов и криминологов были выделены следующие парадигмы: плюралистская (Р.Б. Осокин, Н.А. Лопашкин, С.Г. Келина); монистическая в форме трех направлений – оценочного, фактического (Т.А. Плаксина) и радикального (Ю.И. Бытко, Г.В. Назаренко, Т.Ф. Чураев); волюнтаристская (Ю.И. Попугаев). Под призмой данных парадигм проанализированы примеры декриминализации в законодательстве Российской Федерации, а именно декриминализация оскорбления (Федеральным законом N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты», принятым Государственной Думой 17 ноября 2011 г) и декриминализация побоев в отношении близких лиц, получивших распространение название «декриминализация домашнего насилия» (Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»). Сделаны выводы относительно того, какая парадигма декриминализации преобладает в отечественном законодательстве, а также выявлены проблемы, которые вызваны таким пониманием сути криминализации и декриминализации в целом и ее влиянием на состояние общества, социальных процессов.

УДК 343.5
DOI 10.34076/2658_512X_2022_2_3

Daria A. Bandurina

bandurina2002@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Vitaliy A. Yankovskiy

vitaliy.yankovskiy@inbox.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Alexandr M. Vasiliev

Assistant of Criminal Law department Ural State Law
University

**Decriminalization in Russian
legislation: approaches
to understanding
and problems**

Daria A. Bandurina, Vitaliy A. Yankovskiy
'Decriminalization in Russian legislation: approaches to
understanding and problems', Ural Journal of Legal
Research, 2022, No. 2. pp. 3–9. DOI
10.34076/2658_512X_2022_2_3

Abstract:

The phenomenon of decriminalization of acts has become an occasion for heated discussions since the decriminalization of «domestic violence» in 2017, which underlines acutely social nature of this phenomenon and the relevance of the topic we have chosen. In this article examines the trends of the humanization of criminal law in domestic legislation, manifested in the form of decriminalization of specific acts. The main approaches to understanding criminalization and decriminalization in the form of criminalization paradigms are revealed, each of which implies its own point of view, both on the grounds of criminalization and on its understanding. With the help of studying and using the works of domestic jurists and criminologists, the following paradigms were identified: pluralist (R.B. Osokin, N.A. Lopashkin, S.G. Kelina); monistic in the form of three directions – evaluative, factual (T.A. Plaksina) and radical (Yu.I. Bytko, G.V. Nazarenko, T.F. Churaev); voluntarist (Yu.I. Parugaev). Through the prism of these approaches, the most striking examples of decriminalization in the legislation of the Russian Federation were analyzed, namely, the decriminalization of insults and the decriminalization of beatings against relatives, received the widespread name «decriminalization of domestic violence». Conclusions were drawn as to which paradigm of decriminalization prevails among the domestic legislator, as well as problems were identified that are caused by such an understanding of the essence of criminalization and decriminalization in general and its impact on the state of society, social processes.

Ключевые слова:

декриминализация, гуманизация уголовного права, декриминализация «домашнего насилия», декриминализация оскорбления, волюнтаризм законодателя.

Keywords:

decriminalization, humanization of criminal law, decriminalization of «domestic violence», decriminalization of insults, voluntarism of the legislator.

Гуманизация уголовного права является долговременной тенденцией, которая активно развивается и в наше время. Происходит это в связи с повышающимся вниманием к правам и свободам человека и гражданина, а также к вопросам их неприкосновенности и соразмерности ограничения со стороны государства. Гуманизация может проявляться в разных аспектах реформирования уголовного законодательства. Так, примерами гуманизации уголовного законодательства могут послужить отказ от смертной казни, телесных наказаний, каторжных работ; появление новых наказаний, являющихся альтернативными по отношению к лишению свободы; развитие льготного уголовно-правового режима для несовершеннолетних [1, с. 14-19].

Наиболее современной формой гуманизации уголовного закона является декриминализация. Под декриминализацией в науке принято понимать исключение уголовной ответственности за те или иные деяния, ранее признававшиеся преступлениями, в том числе перевод этих деяний в категорию менее значительных правонарушений [2, с. 17]. Несмотря на множество различных подходов к определению декриминализации, она, безусловно, является процессом устранения уголовно-правового запрета на определенную модель поведения в обществе. Именно декриминализация позволяет и без того репрессивному по своей природе уголовному закону предотвратить излишние ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3, с. 196-197].

Российский законодатель, следуя тенденции декриминализации, распространенной в зарубежных странах, стремится постепенно гуманизировать уголовный закон путем декриминализации определенных деяний. Однако, будучи противниками правового идеализма и непоколебимой веры в правоту законодателя, нам необходимо критически оценивать любую законотворческую деятельность, в том числе и реформаторскую, чтобы сформировать объективное видение текущего состояния уголовного закона в России для поиска решения выявленных проблем.

На наш взгляд, рассмотрение поставленной проблемы целесообразно начать с выделения оснований декриминализации. На современном этапе основания декриминализации изучаются в рамках трех парадигм: плюралистической, монистической и субъективистской (смешанной и волюнтаристской).

Р.Б. Осокин, являющийся представителем плюралистической парадигмы, в своей работе, посвященной декриминализации клеветы и оскорбления, со ссылкой на российского ученого-правоведа Н.А. Лопашенко, отмечает принципиальное изменение характера общественных отношений, ранее находившихся под охраной уголовного закона, изменение общепринятой нравственной оценки деяния и убеждение в неэффективности борьбы с ним уголовно-правовыми средствами как основные причины декриминализации [4, с. 132, 134]. С.Г. Келина дополнила перечень оснований декриминализации в рамках плюралистической парадигмы, рассмотрев три основания декриминализации: отсутствие вреда для общественных отношений; отсутствие или низкая степень морального осуждения соответствующего деяния и неприменение нормы на практике [5, с. 100-104]. Таким образом, основания декриминализации представителями плюралистической парадигмы отождествляются с совокупностью процессов, причин,

обстоятельств и факторов, которые обосновывают необходимость установления уголовно-правового запрета [6, с. 82].

Исследуя монистическую парадигму декриминализации, следует отметить, что внутри нее выделяются три направления: оценочное, фактическое и радикальное. Дискурс оценочного и фактического направления мысли сводится к тому, что основание декриминализации предопределяется общественной опасностью деяния. Представители оценочного направления настаивают на том, что основанием декриминализации является переоценка степени общественной опасности криминализованного деяния. Сторонники фактического направления указывают, что основанием декриминализации является отсутствие общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета. Т.А. Плаксина утверждает, что раз в качестве основания криминализации выступает потребность в установлении уголовно-правового запрета, связанная с общественной опасностью деяния, то отсутствие в такой потребности будет являться основанием декриминализации конкретного деяния [6, с. 83]. Представители радикального направления монистической парадигмы связывают основания декриминализации с такими категориями, как справедливость, целесообразность, девиантность. Так, например, Ю.И. Бытко указывал, что основанием декриминализации того или иного деяния следует считать справедливость [7, с. 214-215]. В своих более поздних работах наряду со справедливостью в качестве основания декриминализации автор выделял и целесообразность [7, с. 189-194]. Г.В. Назаренко также отмечал, что общественная опасность как основание криминализации «непосредственно связана с реализацией в нормотворческой деятельности принципа справедливости» [8, с. 48-53]. Другие представители радикального направления, например, Т.Ф. Чураев, в качестве основания декриминализации выделяют девиантность [9, с. 108]. Однако радикальный подход вызывает множество вопросов ввиду использования абстрактных категорий, таких как справедливость, целесообразность, девиантность. В частности, мы считаем необходимым подвергнуть критике подход криминализации девиантности, то есть отклоняющегося поведения. Что представляет собой отклоняющееся поведение? Вопросы должного и правильного в человеческих отношениях и, соответственно, проблема социальных отклонений остаются дискуссионными и не содержат единой точки зрения. Наиболее распространенная из них - теория относительной девиации. Сторонники данного подхода считают, что нравственные и даже правовые нормы могут анализироваться только в связи с конкретным обществом, его социальной организацией и культурой. То, что будет нормой для одного общества, не может быть приемлемо для другого [9, с. 108]. Законодатель, закрепляя те или иные нормы путем криминализации и декриминализации, встает на путь юридического морализма, то есть поддержание единства социума с помощью нормативного закрепления моральных правил и запретов [3, с. 132-133]. Таким образом, законодатель будет подавлять волю несогласного меньшинства, ограничивая их поведение даже с учетом отсутствия общественной опасности их действий, мотивируя это лишь тем, что их поведение отклоняется от принятого образца.

Волонтаристская парадигма заложена школой интеракционистов, сторонники которой «придерживались крайней точки зрения, утверждая, в частности, что не качество поведения, а характер действий, предпринимаемых против него (законодателя), придает поведению характер преступного» [10, с. 31-34]. Так, в качестве главного основания декриминализации сторонники волонтаристской парадигмы выделяют волю законодателя.

Таким образом, мы видим, что подходы к пониманию декриминализации и ее

оснований абсолютно различны: одни связывают декриминализацию с объективными причинами, возникшими из социальных процессов в обществе, таких как переосмысление определенных форм поведения и переоценка общественной опасности деяния. Другие, наоборот, отождествляют декриминализацию с субъективной волей законодателя.

Разумеется, каждый из приведенных подходов имеет как достоинства, так и недостатки. С целью преодоления проблем, возникающих в процессе декриминализации, необходимо определить, какой парадигме соответствует взгляд российского законодателя на декриминализацию. Рассмотрим конкретные примеры декриминализации уголовного законодательства в Российской Федерации.

Наиболее распространенными примерами отечественной декриминализации уголовного законодательства является декриминализация оскорбления и декриминализация побоев. Федеральным законом N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты»¹, принятым Государственной Думой 17 ноября 2011 г., был декриминализован состав преступления, предусмотренного статьей 130 «Оскорбление» Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)². Данный состав был переведен в категорию административных правонарушений и закреплен в статье 5.61 КоАП РФ³. В редакции части 1 статьи 130 УК РФ, существовавшей до внесения изменений, была закреплена дефинитивная норма, определяющая оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме; в части 2 данной статьи прописывалась ответственность за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. В нынешней редакции части 1 статьи 5.61 КоАП РФ также закреплено определение понятия оскорбление – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме»; в части 2 данной статьи указана ответственность, предусмотренная за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных; добавлены также части 3-5, но редакцией статьи 130 УК РФ, существовавшей до 07.12.2011, данные правонарушения не предусматривались. Как мы видим, тексты прежней редакции статьи 130 УК РФ и нынешней редакции статьи 5.61 КоАП РФ практически идентичны. По нашему мнению, декриминализация оскорбления отражает положения плюралистической парадигмы. Во-первых, анализируя судебную статистику за периоды, предшествующие декриминализации оскорбления, в частности, данные за 2009, 2010 и 2011 года, мы видим, что разница в количестве осужденных за оскорбление в эти периоды небольшая: в 2009 году – 2845 человек, в 2010 году – 3069 человек, в 2011 году – 2819 человек⁴. Такая тенденция стагнации в отношении количества осужденных показывает неэффективность

1 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2011, N 50, ст. 7362

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации»: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954

3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: федер. закон от 30.12.2001 N 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.

4 Статистика Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации/ cder.ru // URL: <http://cder.ru/> (Дата обращения: 25.01.2022)

избранного метода воздействия на общественные отношения. Также, мы считаем, что необходима переоценка общественной опасности оскорбления, особенно в устной форме, так как оценить эмоциональный и моральный вред, нанесенный, например, обценной лексикой, крайне затруднительно.

Что касается декриминализации побоев, в 2016 году статья 116 УК РФ, предусматривавшая ответственность за нанесение побоев, была частично декриминализована, в ее составе были оставлены преступления, совершенные из хулиганских побуждений; по мотивам ненависти или вражды к определенным группам населения; по отношению к близким лицам. Впоследствии последняя категория была исключена из текста статьи. Фактически, таким образом, было декриминализовано первоначальное нанесение побоев близким лицам, что лишило жертву насилия со стороны близкого человека защиты в виде привлечения виновного к уголовной ответственности. Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»⁵ была введена статья 116.1 УК РФ, предусматривающая наказание за повторное совершение деяния, предусмотренного административным законодательством. Таким образом, лишь дождавшись повторного акта домашнего насилия, жертва могла добиться привлечения лица, совершившего акт побоев, к уголовной ответственности, причем повторные побои должны быть нанесены в течение года после нанесения первых, так как лицо, которому назначено административное наказание, считается подвергнутым данному наказанию до истечения одного года после исполнения постановления о назначении административного наказания.

Данное действие отечественного законодателя вызвало резонанс в обществе. Сторонники декриминализации «домашнего насилия» апеллировали к тому, что уголовная ответственность за побои в отношении близких лиц приведет к тому, что «мать-одиночка, которая, воспитывая сына-подростка, физически наказала его за кражу или побеги из дома»⁶ будет приговорена к лишению свободы. Также тем, что «воспитатель в детском саду замечает синяк на руке ребенка, и начинается разбирательство. Возможно, отец просто слишком сильно схватил его, и никакого серьезного конфликта вообще не было. И ребенок совсем не хочет, чтобы папу посадили в тюрьму, просто, возможно, обижен на него в данную минуту». Однако путем отстаивания такого подхода к проблеме побоев в семье, по сути, защищается право на физические наказания к детям, что недопустимо в современном российском обществе, где провозглашается, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России⁷.

Другая проблема состоит в том, что и без того высокая латентность такого правонарушения, как побои в отношении близких лиц, усилится за счет того, что теперь агрессор будет обязан выплачивать административный штраф, который будет выплачиваться из семейного бюджета, что непременно послужит барьером к подаче заявления о побоях с целью сохранения материального положения

5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федер. закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ//«Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256

6 Ударить нельзя судить: мнения за и против декриминализации семейных побоев. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3971405> (Дата обращения: 25.01.2022)

7 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 25.01.2022)

даже в ущерб собственной безопасности. Таким образом, нельзя сказать, что законодатель внес изменения в уголовный закон с целью защиты жертв насилия и предотвращения подобных преступлений, так как с введением административного штрафа ситуация лишь усугубится, позволяя правонарушителям оставаться безнаказанными. Общественное отношение к данной законодательной инициативе выражают результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения. Данные ВЦИОМ показывают, что, несмотря на то, что большая часть опрошенных поддерживает инициативу смягчения наказания (59%), лишь 41% респондентов верит в то, что это благотворно повлияет на ситуацию с побоями. В то же время подавляющее большинство (79%) опрошенных считают недопустимым все формы насилия в семье⁸. Складывается следующая ситуация: значительное большинство россиян не приемлет насилие в семье в любых его проявлениях, немногим больше половины респондентов поддерживают инициативу смягчения наказания и меньше половины считают, что это может улучшить криминогенную обстановку.

Рассматривая декриминализацию данного преступления, исходя из имеющихся данных, можно сделать следующие выводы: моральная оценка домашнего насилия сугубо отрицательна, такое поведение считается неприемлемым подавляющим большинством членов общества, что не позволяет отнести данный случай декриминализации к радикальному подходу монистической парадигмы и к положениям плюралистической парадигмы. Также нельзя сказать, что была переоценена общественная опасность такого деяния как побои, так как человек, его права и свободы, а в том числе и право на жизнь, остаются высшей ценностью, что закреплено в статье 2 Конституции Российской Федерации, а домашнее насилие как раз посягает на конституционное право человека на жизнь.

Так, представляется очевидным, что в данном случае законодатель придерживается волюнтаристского подхода к процессу декриминализации. Именно волей самого законодателя, а не объективными условиями, продиктована декриминализация «домашнего насилия», так как именно в отношении самого законодателя, в частности и государства в целом, побои в отношении близких лиц не несут такой большой опасности, как в отношении конкретных членов общества. А, как было сказано выше, именно для волюнтаристской парадигмы характерно основание криминализации и декриминализации в форме конкретного волеизъявления законодателя в зависимости от степени опасности деяния для этого законодателя.

Однако именно такой волюнтаризм законодателя мешает достичь так называемой «рациональной (де)криминализации», которая предполагает достижение конкретной социально полезной цели с помощью адекватных для ее достижения средств, знаний и опыта в данной сфере [3, с. 196]. Именно социальная польза искоренения домашнего насилия во всех его проявлениях должна быть целью законодателя, которому надлежит умело использовать инструмент криминализации и декриминализации для достижения конституционно охраняемых условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Таким образом, проанализировав подходы к пониманию криминализации и декриминализации, изучив точки зрения на основания данных процессов, а также разобрав наиболее примечательные примеры декриминализации в России, мы пришли к выводу, что далеко не всегда декриминализация оправдана социальными условиями, порой законодателем движет лишь его собственная

8 Бьет - значит любит? Или россияне о декриминализации побоев в семье. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (Дата обращения: 25.01.2022)

воля вне зависимости от наличия объективных причин. Подобный волюнтаристский подход искажает саму суть уголовного закона как инструмента непосредственного влияния на негативные социальные процессы для обуздания разрушительной силы преступности [3, с. 198]. Чем быстрее российский законодатель избавится от такого взгляда на криминализацию и декриминализацию, тем быстрее он избавится от ошибок, приводящих к созданию благоприятной почвы для совершения преступлений [3, с. 198].

Библиографический список:

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право: [общая часть] – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
2. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 303 с.
3. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. – Екатеринбург: Sapientia, 2020. – 256 с.
4. Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. N 7-8 (41-42). – С. 196-199
5. Кузнецова И. А. Методы уголовно-правовой политики/ Вопросы теории и практики. 2012. N 11 (25). С. 100-104
6. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис...канд. юр. наук. Саратов, 2017. – 331 с.
7. Бытко Ю. И. Некоторые проблемы реализации идеи справедливости в российском уголовном праве // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: научно-практическая конференция (3-4 октября 2001 г.). Саратов, 2001. С. 214-215
8. Назаренко Г.В. Категории концептуальности в уголовном праве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2016. N 1 (18). С. 48-53
9. Чураев Т. Ф. Девиантное поведение как предпосылка криминализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. N 1. С. 107-108
10. Попугаев Ю.И. О признаках административного правонарушения с позиции процесса деликтивизации деяния // Административное право и процесс. 2014. N 1. С. 31 - 34

References:

1. Dodonov V. N. (2009). Comparative criminal law. The general part. Moscow: Yurlitinform. p. 448
2. Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. (ed.). (1982). The grounds of the criminal law prohibition (criminalization and decriminalization). Moscow: Science. p. 303
3. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. (2020). New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and the unapproachable. Yekaterinburg: Sapientia. p. 254
4. Osokin R. B. (2012). Decriminalization of slander and insults as one of the forms of implementation of criminal policy. Socio-economic phenomena and processes. 7-8(41-42). pp. 196-199
5. Kuznetsova I. A. (2012). Methods of criminal law policy. Theory and practice issues.11 (25). pp. 100 - 104
6. Nechaev A. D. (2017). Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization: dis... Candidate of Legal Sciences. Saratov. p. 331
7. Bytko Yu. I. (2001). Some problems of realization of the idea of justice in Russian criminal law. Russian legal doctrine in the XXI century: problems and ways to solve them: scientific and practical conference (October 3-4, 2001). Saratov. pp. 214-215
8. Nazarenko G. V. (2016). Categories of conceptuality in criminal law. Southwestern State University Journal. History and law. 1 (18). pp. 48-53
9. Churaev T. F. (2004). Deviant behavior as a prerequisite for criminalization. Chelyabinsk State University Journal. 1. pp. 107-108
10. Parugaev Yu. I. (2014). On the signs of an administrative offense from the standpoint of the process of delinquency of the act. Administrative law and process. 1. pp. 31-34